

АПЕЛЛЯТИВНОСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена рассмотрению вопроса об определении апеллятивности как функционально-семантической категории, объединяющей различные варианты значения побуждения к действию, ориентированного на конкретного адресата, который в состоянии осознать и адекватно понять адресованную ему интенцию.

Языковая категория – это любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства, некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на огромное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением одного и того же признака [6; 215]. Цель данной статьи – определить статус категории апеллятивности.

А.В.Бондарко справедливо отмечает, что необходимо различать понятийные (мыслительные, концептуальные) категории и языковые семантические функции (заклученные в выражении языковых значений и речевых реализаций) [1;72]. Фундаментальные понятийные категории, такие как адресат, орудие, принадлежность, причина, возможность, необходимость, повелительность, начинательность, плюральность и т.д. образуют необходимую основу коммуникации, в них находят проявление единство общечеловеческих законов общения. Понятийные категории, с одной стороны представляют собой отражение свойств и отношений реальной действительности, а с другой имеют опору на язык. Что касается языковых семантических функций, то они выступают в конкретной языковой «одежде» как значения, «привязанные» к определенным морфологическим, семантическим, словообразовательным, лексическим средствам или их конкретным комбинациям в данном языке. Эти семантические функции, выступая как грамматические, лексико-грамматические (в частности словообразовательные) и лексические значения являются результатом процесса языковой интерпретации понятийных категорий (там же).

Говоря об апеллятивности (от франц. *appeller* побуждать, призывать, обращаться)

[15], мы имеем в виду семантическую категорию, представляющую собой языковую интерпретацию понятийной категории повелительности, статус которой определяется, прежде всего, представлением в сознании человека действия как требуемого, к которому его побуждает говорящий/ пишущий. Языковая реализация понятийной категории повелительности исследовалась в немецком языке в рамках теории о лексико-грамматических полях [5]. Е.В.Гулыга и Е.И.Шендельс рассматривают микрополе побудительности в составе макрополя модальности [5; 92]. Содержательно языковые единицы, реализующие побуждение, обозначают не просто процесс, а волеизъявление говорящего относительно выполнения/ невыполнения действия, т.е. выполняют апеллятивную функцию.

Для данной работы необходимо уточнить толкование апеллятивной функции. Исследователи языка не сходятся в вопросе о количестве и характере функций, однако во многих исследованиях, посвященным функциям языка, мы находим упоминание о базовых функциях – коммуникативной и когнитивной, а также о частных функциях, в которых проявляются базовые. К числу таких частных функций абсолютное большинство исследователей относят апеллятивную функцию. Так, например, Ю.М.Маслов определяет апеллятивную функцию следующим образом «...служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям» [10; 9]. К.Бюлер в главе «Модель языка как органа» указывает на наличие тройственной функции языка: экспрессии, апелляции, репрезентации (в более ранней терминологии: изъявление, побуждение, репрезентация), которые представляют собой различные назначения речевых высказываний: репрезентативная – сообщение, экспрессивная – вы-

ражение эмоций, апеллятивная – побуждение к действию [3; 31]. Эти функции иерархически соотнесены (доминирующая роль у репрезентативной функции), но допускается и наличие языковой реализации с полным преобладанием одной из них [3;42]. Р.О. Якобсон пишет о том, что (конативная) апеллятивная функция соответствует получателю сообщения, на которого ориентируется говорящий, пытаюсь тем или иным образом воздействовать на адресата, вызвать его реакцию. (Подчеркнуто Е.К.) Грамматически это часто выражается повелительным наклоном глаголов, а также звательным падежом. [13; 198-199]. Ц.Норд, в свою очередь, отмечает, что апеллятивная функция выполняется не только императивом глагола, но и формами обращения; она основана на том, что «получатель» доступен отправителю в качестве адресата, и это вызывает необходимость в учете отправителем фоновых знаний своего адресата [16; 58]. В каждом из определений апеллятивной функции указывается на побуждение адресата к совершению действия. Речь идет о речевом или посткоммуникативной действии. Важно отметить, что апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей). Фатическая функция сливается с апеллятивной. Фатическая функция актуализирует, будучи для собеседника призывом к установлению / поддержанию / прерыванию коммуникации, т.е. призывом к неречевому действию, апеллятивную функцию. Мы, вслед за К.Бюлером [3; 32], считаем целесообразным рассматривать данные функции недифференцированно, поскольку они имеют одно назначение – побуждение адресата к совершению действия. Отличие состоит лишь в характере действия (речевое или посткоммуникативное).

Как известно, для нормального протекания речевого акта необходимо, чтобы 1) адресант был готов передать некоторую информацию и, чтобы 2) адресат был готов воспринять эту информацию. Поскольку сообщение, посылаемое отправителем, должно быть адекватно воспринято получателем [13; 95], адресант, если он не уверен, что адресат готов воспринять эту информацию, должен со-

общить ему о начале речевого акта, т.е. должен побудить его слушать/читать текст сообщения. Средством, которое выполняет функцию побуждения слушать/читать, называемую иначе апеллятивной, т.е. призывной, контактоустанавливающей и контактоподдерживающей, является обращение. Обращение часто выступает «спутником» языковых единиц с семантикой прямого или косвенного побуждения к совершению действия. Обращение имеет сходное с указанными единицами функциональное назначение – выполняет апеллятивную функцию. Обращение информирует адресата о том, что адресант побуждает его стать слушающим/читающим. Если обращение побуждает слушать/прочитать текст, то конструкции с семантикой прямого/косвенного побуждения к действию побуждают действовать, что свидетельствует об их однофункциональности и дает все основания, чтобы рассматривать данные языковые единицы в рамках одной семантической категории – категории апеллятивности.

Собственно говоря, можно считать, что любое адресованное слушающему/читающему апеллятивное высказывание (типа *Otto!*, *Offiziere und Soldaten!* и т. п.) фактически представляет собой регулярный эллипсис «вокативно-императивного» высказывания. Императивная часть высказывания опускается потому, что ее интерпретация не вызывает затруднений: это, в сущности, всегда один и тот же императив *слушай/те (читайте)*. Указанное «вокативно-императивное» высказывание, очевидно, можно считать двусоставным, включающим подлежащее (*Otto!*) и сказуемое (*Horen Sie zu!*). Если согласиться с этой трактовкой, то любое обращение фактически представляет собой самостоятельное двусоставное предикативное высказывание с имплицитным сказуемым, чья синтаксическая самостоятельность поддерживается интонационным выделением.

В норме речевой акт начинается, когда говорящий считает, что слушающий готов воспринять информацию. Она может быть различной. Во-первых, адресант может назвать адресату действие, выполнение которого он ему предписывает (прагматически это наиболее типичная ситуация). Информа-

ция такого типа выражается конструкциями с семантикой побуждения к действию, например, императивными предложениями: Hans! Schlie?en Sie bitte das Fenster! В этом случае функциональное назначение императивного предложения такое же, как и у обращения: обращение побуждает слушать, а императив побуждает делать.

Во-вторых, адресант может задать адресату вопрос о чем-либо, т. о. побудить его к речевой деятельности: Christina, hast du schon das Radio gehort? Wann wird der Hundertmeterlauf beginnen?

В этом случае обращение и вопросительное предложение выполняют одну и ту же апеллятивную функцию: обращение побуждает слушать, а вопрос побуждает говорить, т. е., как и императив в первом примере, вопросительное предложение побуждает к действию, но только к речевому.

Функциональная близость обращения, конструкций с семантикой побуждения к действию и вопросительных предложений достаточно хорошо известна в лингвистике. Вот что писал по этому поводу, например, А. В. Исаченко: «Любой приказ или любой запрет являются, прежде всего, проявлением призывным. Приказ или запрет предполагают немедленную реакцию (исполнение). Но и призыв или обращение должны рассматриваться как проявления призывные. Они либо побуждают «второе лицо» к известным действиям, либо привлекают его внимание. Если считать призывным всякое языковое проявление, с установкой на активную реакцию, то необходимо будет и вопрос считать проявлением призывным, ибо каждый вопрос предполагает ответ, т. е. именно определенную реакцию, в данном случае языковую» [7; 50].

Наконец, в-третьих, говорящий может передавать слушающему такую информацию, которая не требует от слушающего никакой (ни речевой, ни действенной) непосредственной реакции. Эта информация выражается повествовательными предложениями: Frau Meier, Sie haben die meisten Stimmen erhalten. Здесь говорящий лишь сообщает слушающему некоторую информацию, но не побуждает его как-либо реагировать на нее. Тем самым у обращения и повествовательного пред-

ложения принципиально разные функции. Обращение выполняет апеллятивную (в данном случае — контактоподдерживающую) функцию, а повествовательное предложение выполняет коммуникативную функцию, т. е., в терминах Р. О. Якобсона, «выражает сообщаемый факт» [13; 43]. Основное назначение обращения, состоит в том, чтобы подготовить условия для нормального осуществления речевого акта: обращение называет адресата и побуждает его, во-первых, начать слушать, а затем — продолжать слушать. Наряду с обращением апеллятивную функцию выполняют в рассмотренных примерах императивное и вопросительное предложения. Именно функциональной общностью объясняются сходные формально-интонационные черты, которые обнаруживаются у обращений и императивных форм глагола в немецком языке. Заметим, однако, что наряду с апеллятивной функцией обращение (его лексико-семантические разряды) может выполнять и оценочно-характеризующую функцию.

Таким образом, в объем значения семантической категории апеллятивности в немецком языке попадают единицы, которые выражают побуждение конкретного адресата к совершению речевого или неречевого действия, а именно различные обращения, конструкции, реализующие прямое или косвенное побуждение к действию, вопросительные предложения.

Изучение функционирования вышеуказанных элементов в рамках немецкого языка, проведенное на основе текстов официально-делового стиля [8], показало, что реализация побуждения имеет варианты, отличающиеся своими дистрибутивными свойствами (анализу были подвергнуты директивные речевые акты – средства реализации прямого побуждения к действию, констативные речевые акты, интеррогативные речевые акты, реализующие косвенное побуждение к совершению действия, императивные предложения, конструкции с модальными глаголами). В ходе работы по исследованию разноразрядных единиц, выражающих побуждение, выяснилось, что семантика побуждения, а именно использование единиц для реализации побуждения различной степени интенсивности, существенно влияет не толь-

ко на их дистрибутивные свойства в составе предложения, но и на их текстовые потенции. Это позволяет объединить в рамках понятия апеллятивности разнородные языковые элементы, имеющие общее категориальное значение репрезентации побуждения конкретного адресата к совершению как речевого, так и посткоммуникативного действия, и, соответственно, общие функциональные особенности употребления. Языковое представление соответствующих семантических категорий в упорядоченном множестве разноуровневых языковых средств и их функций А.В.Бондарко рассматривает как функционально-семантическое поле [2; 6]. Мы считаем возможным определить признаки апеллятивности как функционально-семантической категории, основываясь на функциональной грамматике А.В.Бондарко [2]. Общность семантики (наличие семантического инварианта побуждения к действию) и взаимодействие указанных языковых средств (их сочетаемость/несочетаемость в тексте, возможность замены одного средства другим в определенных условиях) [2] дает возможность для интерпретации апеллятивности в немецком языке как функционально-семантического поля. В роли грамматических базисных компонентов функционально-семантического поля (ФСП) апеллятивности выступают конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, обращения, вопросительные предложения. Апеллятивность рассматривается нами как семантическая категория, объединяющая различные варианты значения побуждения к действию, ориентированные на конкретного [12; 50] адресата, который в состоянии осознать и адекватно понять адресованную ему интенцию адресанта. Таким образом, говоря об апеллятивности, мы имеем в виду, с одной стороны языковую семантическую категорию, представляющую собой языковую интерпретацию мыслительной категории повелительности, а с другой – базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, представляющее собой группировку разноуровневых средств, взаимодействующих на основе общности апеллятивной функции. Рассмотрим указан-

ную группировку разноуровневых языковых средств более подробно.

Макрополе апеллятивности может быть разделено на три поля и является, таким образом, полицентрическим (трехчленным). Трехчленная структура определяется тремя типами отношений семантики апеллятивности к синтаксической структуре предложения, а также различием в характере побуждения к действию (речевому/неречевому). Первый тип, определяющий одну из сфер рассматриваемого поля – микрополе вокативности, вторая сфера данного поля – микрополе побудительности и третья – микрополе интеррогативности.

В каждом микрополе выделяется доминанта, т.е. конституент поля, а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый [5; 10]. Вокруг доминанты группируются наиболее тесно с ней связанные конституенты, образующие ядро поля. Конституенты, отдаленные от ядра, располагаются на периферии поля.

Микрополе вокативности имеет своей доминантой бицентрическую структуру, представленную средствами синтаксического уровня – номинативными предложениями-обращениями, а именно обращениями-регулятивами [4] и адресующими обращениями.

Обращения-регулятивы обозначают, но не называют адресата речи. Лексические единицы типа *Menschenskind*, *Alterchen*, *Freundchen*, *altes Haus*, *mein lieber Freund und Kupferstecher* и др. не обозначают конкретного человека и непригодны для номинативного употребления в нарративном режиме. Так, например, нельзя сказать *Menschenskind arbeitet als Lehrer*. Эти лексические единицы специализированы именно как обращения и вступают в связи с этим в процессе речевого общения в определенные семантико-прагматические и синтаксические связи. С помощью подобных обращений можно привлечь внимание любого человека, они не несут в себе информацию о социальных признаках адресата, но свидетельствуют об особом характере отношений (социальных, возрастных и др.) между коммуникантами и создают определенную тональность общения, как пра-

вило, непринужденную. С помощью регулятивов говорящий регулирует, определяет соответствующий тон общения, придает ему более «интимный» стиль, отмечая одновременно с этим то или иное распределение ролей в конкретной ситуации общения.

Обращениям, создаваемым на базе полнознаменательных слов, (номинации родства, собственные имена, признаки профессии, социального положения и т.д.) отводится роль адресующих элементов текста. Адресующие обращения, кроме основного назначения — привлечения внимания адресата, побуждения его к общению, обладают собственной семантикой номинативного (идентифицирующего), дейктического характера. Они квалифицируют слушателя (читателя) как адресата речи.

Ядро микрополя вокативности образуют средства морфологического уровня – местоимения Du, Sie, Ihr, которые в качестве дейктиков указывают на адресата, не называя его. Данные местоимения выполняют функцию прямых обращений (термин Э.Тенхонен) [17; 6-7]. На периферии поля находятся косвенные обращения в 3-м лице, адресованные определенному лицу или группе лиц, например: Hat die Dame einen Wunsch?

Доминантой микрополя побудительности являются директивные речевые акты (реквестивы – просьбы, инъюнктивы – приказания, адвисивы – советы, рекомендации). Определение директивных речевых актов как доминантного компонента микрополя побудительности основано, прежде всего, на критерии наибольшей точности выражения оттенков, интенсивности побуждения и регулярности реализации апеллятивных отношений, приведем примеры: Wir bitten Sie uns mitzuteilen, ob Sie an dem Kauf der angebotenen Ware interessiert sind (реквестив). Daher befehle ich für alle Truppen der 6. Armee... (инъюнктив). Wir empfehlen Ihnen, sich vom Landesschulamt Berlin (Bredtschneiderstr. 5, 14057 Berlin, Sprechzeiten: dienstags und donnerstags von 13.30 bis 15.30 Uhr) beraten zu lassen (адвисив).

К центральным элементам микрополя побудительности относятся формы императива, которые характеризуются регулярностью выражения побуждения к действию, на-

пример: Informieren Sie mich bitte baldmöglichst (из делового письма). Schöne die Bekleidung! Trage nur Drillichanzug zu Arbeitsdienst! (из инструкции для солдат).

На периферии поля побудительности находятся языковые единицы, реализующие модальность долженствования и разрешения, к которым относятся следующие: модальные глаголы müssen, dürfen, конструкция sein + zu + Infinitiv, а также прилагательные, причастия со значением необходимости, долженствования, выступающие в предложении в качестве предикатива, например:

Die Einheiten müssen die Vollzählichkeit der Verbandpackchen überprüfen.

Die Verbandpackchen dürfen von den Mannschaften nur zum Zwecke der ersten Wundversorgung benutzt werden.

Fasser sind zu plombieren und nur mit Genehmigung der Kdre. zu öffnen.

Praktisches Üben bei Fahrschulen ist notwendig.

Четкую грань между центральными и периферийными элементами микрополя интеррогативности установить трудно. Компонентами микрополя интеррогативности являются вопросительные предложения с вопросительным и без вопросительного слова, например: Ist es auf der Straße schmutzig? или Haben Sie irgendetwas Schmerzen?

Вопрос представляет собой побуждение, но специфика вопросительной конструкции состоит в том, что каузируется речевое действие, тогда как конститuentы микрополя побудительности выражают побуждение к неречевому действию. Разграничение между неречевыми действиями (сфера микрополя побудительности) и речевыми действиями (сфера микрополя интеррогативности) не абсолютно: так, для глаголов речи типа sagen, erzählen, antworten и т.п. эта оппозиция утрачивает смысл, поскольку с их помощью каузируются только речевые действия: Sagen Sie bitte! Erzähle lieber von dir!

Семантическая близость конститuentов микрополя интеррогативности и микрополя побудительности представляется достаточно очевидной, поскольку отдельные вопросительные конструкции регулярно выступают заместителями ядерных и доминант-

ных компонентов микрополя побуждения, например: Wann darf ich Sie besuchen?

Таким образом, группировка разноуровневых средств языка служит для выражения вариантов семантической категории апеллятивности и представляет апеллятивность как функционально-семантическое поле. Апеллятивность является функционально-семантической категорией, поскольку отвечает всем ее признакам - общностью семантической функции – выражением побуждения к действию (речевому/посткоммуникативному); взаимодействием лексических и грамматических элементов; членением: цент – периферия.

Понятием, которое в концепции А.В.Бондарко связывает семантические категории и ФСП с речью, является категориальная ситуация. Треугольник «семантическая категория – ФСП – категориальная ситуация» является концептуальным основанием рассматриваемой в книге А.В.Бондарко модели грамматики [2; 6-8]. ФСП рассматриваются как языковое представление соответствующих семантических категорий в упорядоченном множестве разноуровневых языковых средств и их функций (там же). А.В.Бондарко определяет категориальную ситуацию как проекцию семантической категории на высказывание. Категориальная ситуация представляет собой один из аспектов «общей ситуации» передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик. Категориальная ситуация – это родовое понятие, по отношению к которому аспектуальные, темпоральные и другие ситуации являются понятиями видовыми (там же). Так, говоря об апеллятивной ситуации, мы имеем в виду выражаемую различными средствами высказывания типовую (выступающую в высказывании в том или ином варианте) содержательную структуру, базирующуюся на семантической категории и поле апеллятивности и представляющую собой тот аспект обозначаемой «общей ситуации», которая заключается в выражении побуждения к совершению речевого/неречевого действия.

Если понятие ФСП соотносится с представлением о семантической категории и упорядоченном множестве средств ее выражения в данном языке, то понятие категориальной ситуации служит для анализа фун-

кционирования вариантов данной семантической категории, выражаемых в высказывании. Здесь мы подошли к очень важному вопросу о средствах выражения семантической категории. О.Е.Филимонова отмечает, что теория ФСП возникла в лоне грамматики и в дальнейшем была экстраполирована на лексические исследования [11; 43]. Вслед за О.Е.Филимоновой (там же) мы полагаем, что понятие категориальной ситуации в терминах А.В.Бондарко является проекцией семантической категории и ФСП на уровень текста, который и может пониматься как высказывание. «Категориальная ситуация представляет собой реализацию элементов определенной семантической категории и конституируемого ФСП в высказывании; это категориальные (модальные, темпоральные, локативные и т.п. характеристики высказывания, категориальные аспекты выражаемой высказыванием «общей ситуации» [2; 28].

Поскольку объектом исследования при изучении реализации категории апеллятивности могут быть как единицы, конституирующие текст (слова, фразы, предложения), так и целые тексты, нам представляется целесообразным говорить о полистатусном характере функционально-семантической категории апеллятивности. Термин полистатусный означает способность языковой единицы проявлять то или иное категориальное значение (в нашем случае апеллятивное) на различных уровнях языковой системы, т.е. в статусе разноуровневых единиц.

Обобщая вышесказанное, представляется правомерным определить апеллятивность как полистатусную функционально-семантическую категорию. Термин функционально-семантическая категория, таким образом, подчеркивает деятельную сторону, т.е. актуализацию категории в речи, понятие полистатусной категории апеллятивности позволяет, с одной стороны, дифференцированно рассматривать в данной концепции репрезентацию различных блоков ФСП апеллятивности и, с другой стороны, показать их взаимосвязь в категориальной ситуации в единой функционирующей системе – тексте как области реализации апеллятивного смысла.

Список использованной литературы:

1. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978.- 180 с.
2. Бондарко А.В. основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.:Изд-во С-Петербург. ун-та, 1999. – 260 с.
3. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция. - М., 1993. – 230 с.
4. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 180 с.
5. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М., 1969. – 200 с.
6. Булыгина, Е.Я., Крылов, С.А. Категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – 320 с.
7. Исаченко, А.В. К вопросу об императиве в русском языке. – Рус.яз. в шк. М., 1957, N 6, с.7-14.
8. Комлева, Е.В. Лингвостилистические особенности выражения побудительности в текстах официально-деловой прозы (на материале современного немецкого языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2003. – 20 с.
9. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. – 380 с.
10. Маслов, Ю.М. Введение в языкознание: Учеб. для спец вузов. – 3-е изд. испр. – М.: Высш.шк., 1998.- 280 с.
11. Филимонова, О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты: Монография. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И.Герцена, 2001. – 259 с.
12. Щирова, И.Я., З.Я.Тураева, Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 2005.- 156 с.
13. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. – В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. – 198 с.
14. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975.- с. 193-230.
15. Herkunftswörterbuch. Duden Band 7. – Dudenverlag Mannheim, 2003., S. 44-45.
16. Nord, C. So treu wie möglich?: Die linguistische Markierung kommunikativer Funktion und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte //Linguistik und Literaturübersetzen.-Т.:Narr, 1997. S.35-59.
17. Tenhonen, E. Aspekte der Anrede am Beispiel von finnischen und deutschen Bankdienstleistungs- und Telekommunikationsprospekten. Vaasa 1992., S.5.